

Глава 7.

-Впервые вижу, чтобы валирийская сталь была так покрыта выщербинами! – воскликнул Томмен Коготь, рассматривая на свету мерцающий черный клинок. - Не то чтобы я видел много, да и то я скорее слышал, но...

-Какая разница? – недоуменно протянул Авут. – Это даже не сколы, а так простые царапины.

-Но все же! – поддержал вестеросца Милтос. – Это валирийская сталь, она крепка как сотня мечей! Чтобы даже маленькие трещины, никак не влияющие на крепость клинка да появились на нем? Это надо постараться... даже с таким же мечом.

-И вот понимай как хочешь, от старости ли это меч, что бандит нашел в какой-нибудь гробнице...

-Смехи больше, Отморозок! Ты видел тот кинжал? Валирийская сталь лежала в земле сотни лет, а в итоге цела и даже ржавчина не проступила!

-Ну тогда это следы древнего сражения.

-Это да... Так больше на правду похоже. В Древней Валирии ведь у каждого десятого такой клинок был?

-Ты спрашиваешь меня об этом?

Авут пропустил спор своих людей мимо ушей, рассматривая доставшийся ему по праву сильного трофей. Полуторник чуть больше принятого размера, темно-серого, даже скорее черного цвета, со столь же черными ножнами с поблекшим золотым узором. Чуть загнутая вверх гарда, что острым шпилем слегка заходила на дол клинка, была покрыта витиеватым узором, чем-то напоминавшим пламя, сходящимся посередине и образующим щит, в центре которого поблескивал словно одинокая кровавая слеза рубин. Рукоять для него была выполнена с разделением для двуручного хвата, а на эфесе расположился конический шип. Старый, легкий и смертельно острый – самое простое описание для черного клинка из валирийской стали.

-Я слышал, что им еще и имена дают! – внезапно влез в разговор Хозар, с трудом способный нормально говорить из-за свежего рубца через всю левую щеку. – Говорят, что хорошему мечу нужно имя, как и человеку! Это как магия!

-Магия? – переспросил Авут и вновь взмахнул клинком, ловко срезая пару особо длинных травинков. – Подождет. Сейчас главное разобраться во что мы вязались и что нам за это

полагается.

-Кроме трофеев? – заискивающе протянул браавосиец.

-Именно.

Битва при небольшой деревеньке закончилась полным разгромом налетчиков и смертью каждого из них. Но ценой победы стали весомые жертвы. Больше половины деревенских полегло, защищая свой дом и остались лишь совсем молодые или вовсе старики с девушками и женщинами. Отряд Прасета так же понес урон, лишившись почти всех недавно примкнувших наемников и двух старательно выращиваемых Аутом мальчишек. Горик слег с ранением через всю грудь и мучился с жаром, но благо умирать не собирался, как и его брат Сэм, отделавшийся от врагов лишь ценой вертикального рубца через левую бровь и парочкой незначительных уколов, большую часть которых перевела в синяки кольчуга. Хозар под конец боя потерял бдительность и к вывихнутой руке ему прибавился уже упомянутый шрам на щеке. Милтос и Томмен в силу верткости одного и опыта другого были практически целыми.

Трофеи были поделены практически честно. Удачливые лучники, бившие с возвышенности по не спрятанным в броне грабителям с радостным гогом пересчитывали редкие золотые монеты и взвешивали мечи с топорами и редкими шлемами или кольчугами, прикидывая их цену. Чуть в стороне скорбели по родным деревенские жители, их вопли разносились по округе жутким, призрачным криком и ветер подхватив их, уносил горе дальше по морю.

Милтос первым заметил что к ним приближается один из оставшихся в деревне стариков. В крови и перевязанный тряпками, он ковылял опираясь на палку и то и дело морща и без того полное складок лицо. Редкие серебристые волосы потеряли блеск как у его молодых соотечественников и теперь, будучи коротко остриженными, походили на мышинный мех. Бледные, подслеповатые пурпурные глаза рассеянно осматривали окровавленных людей, возникших для них из ниоткуда.

Старик бросил несколько фраз на своем языке, но не дождавшись ответа, принялся ломано выдавливать из себя слова на других языках, морщась еще больше, становясь похожим на сушеную ягоду. Но наконец Милтос услышал что-то знакомое ему и вскину руку, поспешно ответил. Браавосиец и потомок валирийцев заговорили друг с другом быстро и экспрессивно, перебрасываясь рваными фразами или вовсе растягивая их. Авут с трудом, но все же улавливал нечто похожее на диалект Бухты Работорговцев, но все же больше узнавал язык Вольных Городов, который парень недавно начал учить.

Вскоре Милтос обернулся и бросив еще пару фраз напоследок, поспешил к Патриарху. Возбужденный до дрожи в руках, браавосиец подскочил к капитану отряда и быстро заговорил:

-Старик благодарит нас и обещает, что все вещи с врагов мы можем забрать себе, как за помощь с врагом, так и за ту лекарственную траву что им впихнул Томмен. Но если бы только это! Вы представьте, капитан! Все они хотят примкнуть к нам, со всеми своими вещичками, едой и золотом! Каждый старик и каждая молодушка в деревне, господин!

-Они хотят ступить в отряд? – недоуменно вздернул бровь Авут. – Seriously? Они же полуживые, еще и старики...

-Ну, я не совсем так выразился, капитан. Вступит только молодежь, а старики хотят добраться до какого-то из вольных городов, Браавос там или Волантис. Они готовы даже заплатить!

-Если они покажут нам путь до Белой башни, то я готов взять с них половину цены.

-Ну, капитан, вы как-то...

-Расслабься. Эта башня стоит там не просто так. Передай мои слова старику, пусть выделит самого целого проводника нам, а так же, еще одного, чтобы довел кого из парней до нашей стоянки. Пусть парни плывут сюда. И подбери мне парочку самых целых парней, да сам приготовься. Отправимся небольшим отрядом. Ну и думаю пусть остальных по прибытию отправит к нам.

-Да, господин.

Милтос вернулся к ожидающему старику и показав что-то на руках, несколько раз повторил одну и ту же фразу, видимо стараясь придать ей большую понятность. Переговорщик со стороны деревенских выглянул из-за фигуры браавосийца и пристально посмотрел на Авута. На морщинистом лице играли желваки и было видно, что у старосты совсем нет желания не то что отправлять кого-то к Белой Башне, а даже вспоминать и говорить о ней! Прасет прищурившись, с усмешкой помахал потомку валирийцев и тот вернулся к разговору.

Наконец Милтос несколько раз радостно хохотнул и хлопнул покачнувшегося и вскрикнувшего старика по плечу.

-Он согласен, капитан! На все условия!

-Отлично. – кивнул Прасет, со щелчком отправляя свой новый меч в ножны. - Принимайся за парней, пусть будут готовы к дороге через десяток минут.

-Как прикажете!

Местные и правда знали дорогу до башни, спрятанную в бесконечном лабиринте из деревьев. Молодой парнишка с подвязанной рукой вел за собой Авута, Милтоса и двух бойцов уверенно, словно мама-гусыня, что ведет за собой утят от гнезда до пруда. Деревья на его пути словно сами расступались, образуя нечто на вроде непротоптанной, но ясно просматриваемой при особом угле тропинки и лишь редкие, не до конца выкорчеванные пеньки намекали на редкую обновляемость прохода.

Лес все так же был тих и могуч, застыв нерушимым памятником природы и далекой древности, к которой приложил руку человек. Могучая крона тихо шелестела под соленым ветром, в ветвях копошились мелкие зверьки и птицы, покуда могучие стволы трещали и еле слышно поскрипывали. Умиротворенность места нарушали лишь начавшие встречаться все чаще скелеты. С проломленными черепами, с торчащими из трухлявых ошметков одежды стрелами, без голов, с отделенными руками, вооруженные, безоружные, в проржавевших доспехах и еле прикрытые тканью; они лежали кучками и поодиночке, то сцепившись друг с другом, то нелепо распластавшись на земле или повиснув на низких ветках. И с каждым истлевшим мертвецом провожатый начинал дрожать все больше и больше, медленно превращаясь в испуганного котенка. Когда Авут прямо задал вопрос о том, что же здесь произошло, а Милтос его перевел, проводник с трудом выдавил ответ:

-Большое, могучее племя сражалось с людьми из-за скал и большой воды. Давно, так давно, что жизнью трех Вирионов (это было имя проводника) не хватит чтобы сосчитать.

На том его разъяснения и закончились и дальнейший путь прошел в тихих звуках огромного леса и бормотаниях браавосийца, с каким-то неясным маниакальным желанием размышлявшего о целостности оружия и доспехов на мертвецах, и сможет ли их отрядный писарь определить им цену.

И вот наконец, без предупреждения, и без единого лучика света пробившегося бы к отряду через плотную стену плюща, опутавшего всю внутреннюю границу леса, за поворотом появилась самая настоящая каменная арка, давным-давно покрывшаяся трещинами и мхом с плющом. А за ней белел проход на открытую местность с единственным зданием.

-Боги... - выдохнул сквозь зубы Милтос. - Это Башня!

Это и правда была та самая Белая Башня, так манившая своей неизвестностью прибывших по морю людей. Она стояла посреди небольшой полянки, без единого намека на растительность или жизнь - абсолютно черная, слово взрытая огромным кротом земля окружала уходящий вверх цилиндр из посеревшего со временем белого кирпича. Могучее основание было похоже на вздувшийся от наполнявшего его эля бочонок и открывало свой черный зев массивной аркой с разрушенными статуями драконов вместо колонн. Причудливые, натуралистичные рисунки давно выцвели и облупились, оставляя от себя лишь очертания, напоминавшие о том, что здесь когда-то была записана история. Шпиль давно обвалился и покореженная, серебряная крыша лежала чуть в стороне, задорно блестя серыми огоньками в лучах заходящего солнца.

Провожатый замер на самой границе выхода из леса. Паренька била крупная дрожь и холодный пот проступил у него на лбу; пальцы неосознанно заламывали друг друга, а ноги приминали землю, покуда их хозяин мямлил извинения. Было видно, что религиозный страх перед этим местом мог поглотить его окончательно и потому, с проводником оставили одного из бойцов, а Авут в сопровождении Милтоса и своего воспитанника, подняв факела и смоляную лампу, вошли в черный проход.

Первое что настигло их - был смрад. Ужасная вонь из смеси гнилостных паров, пыли и плесени

забивал нос и Милтос не сдерживаясь выругался несколько раз к ряду, отчаянно зажимая нос. Авут же вдохнул полной грудью, выполняя начальный этап дыхательной техники, призванный заставить духовную силу людей, если они есть в этом месте, откликнуться. Но лишь слабый, тлеющий огонек силы, где-то глубоко в чреве башни привлекал к себе внимание мерцанием.

-За мной. – небрежно бросил Прасет и безразлично раздавил в труху череп на своем пути.

-Тут доспехов хватит на весь наш отряд, вместе с местными! Капитана, давайте заберем?!

-Позже. Сначала дело, потом осмотримся как следует.

-Какое у нас может быть дело в этой развалюхе?!

-Увидишь.

Мрачное обещание видимо насторожило браавосийца и тот локо выхватил клинок, подавая пример воспитаннику, тут же схватившему с пояса топорик.

Длинный коридор все не заканчивался и словно какая-то изощренная насмешка представлял собой завернутое по кругу, словно раковина улитки, помещение. На всем пути группе встречались высохшие трупы и их радовало лишь одно – они чувствовали небольшой сквозняк, за долгие годы своего существования ослабивший запах гнили. И вот за последним крюком показался бледный свет, а за ним и помещение, что он освещал.

Заваленный мусором, обломками и скелетами круглый зал тонул в тусклом, розоватом свете заходящего за горизонт светила. Массивное каменное основание лестницы поднималось вверх, доходя до небольшой площадки и обрывалось трухлявыми деревянными опорками для продолжения, но видимо обвалившимися под действием времени. Словно причудливый канделябр со второго этажа свисал практически развалившийся скелет в выцветшей, но все еще сохранившейся одежде. Несколько глиняных черепков прикрывали собой что-то блестящее, а у противоположной выходу стены, расположился спуск в катакомбы. Именно из них, Авут чувствовал слабое средоточие разума. Слабый, еле осознающий себя и лихорадочно мечущийся в агонии, но инстинкты не позволяли парню просто отпустить мысли о существе внутри.

-Господин, пошлите. – вывел его из задумчивости один из напарников. – Подвал выглядит самым странным.

-Верно, вперед. – кивнул Прасет и шагнул в сторону темной дыры.

Но только ступив на первую ступень, Авут замер, ощутив, как разгорелось естество человека из катакомб, услышавшего их. Ярость огромным, всепожирающим костром вспыхнула в темноте подвала и перетекла в безумие, отзывавшееся в восприятии разноцветным,

сумасбродным каскадом всего. Из тьмы раздался ужасающий вой, и кто-то громко зашлепал по каменной лестнице.

Авут отскочил прочь в последний момент, успев осознать все ту невероятную скорость, с какой приближался враг, раньше Милтоса, которого Патриарх не церемонясь откинул прочь за шкуру. Во тьме мелькнули полные безумия бледные глаза-огоньки и силуэт вынырнул из тьмы.

Молниеносно свистнул клинок, рассекая воздух перед лицом и грудью Авута, и выбивая каменную щепку из пола. Прасет только и успел разглядеть темно-серый цвет клинка, но уже в следующий миг все вокруг померкло, его легкие исторгли вязкий воздух и он выдернул собственный меч, молниеносным ударом снося голову напавшему. Из ровного среза несколько раз вырвался бурлящий гейзер темно-красной, почти черной крови и уродливое, тощее, сгорбленное тело с сухими длинными руками упало на колени, а потом и вовсе завалилось вперед, вместе с мерзким звуком. Рваная и грязная одежда на существе, лишь отдаленно напоминавшем человека быстро впитывала вязкую жидкость, словно норовящую полностью покинуть дряхлое тело умершего. Авут сделал аккуратный шаг и носком сапога повернул отрубленную голову, покрытую жиденькой шапочкой из серых волос, подставляя свету сухое, угловатое, бледное словно у мертвеца лицо, испещренное рытвинами, шрамами и обвислыми кусками начавшей слезать уже при жизни кожи; кривой рот с остатками гнилых, обломанных зубов и крючковатый нос. Два бледно-розовых глаза слепо смотрели в потолок через редкие, но длинные ресницы. Уродливое воплощение человечества, неизвестно сколько проводшее здесь времени - обрело свой покой по чистой случайности.

Милтос с чувством ругался, махая мечом и грозя темноте факелом, покуда второй спутник Патриарха напряженно поднимался на второй этаж.

Авут поднял клинок убитого им урода и взглянул на него получше. Очередной меч-бастрад, словно теща эго Прасета, оказался из валирийской стали. Менее красивый, нежели тот что уже висел на поясе Авута, и сосем без витиеватых или дорогих украшений, меч был лишен хорошего покрытия рукоятки, чье место заменяли грязные, провонявшие тряпки, покрывшиеся бурыми пятнами и пробивающейся плесенью, а черное лезвие выглядело почти так же плохо, как обычный железный клинок, которым били камни, только вот черное лезвие было все так же острым и крепким. Взмахнув им несколько раз, Прасет с усмешкой приткнул его к поясе простым шнурком.

-Капитан! Тут золото! Так еще и засо... - подбежал к Авуту Милтос и замер на полуслове, его глаза тут же прикипели к обновке господина. - Капита-ан! У вас уже два меча!?

-ХА! Три! - с усмешкой произнес Авут и небрежно ткнул пальцем в сторону груды костей, сваленных возле обломков крыши. Там мрачной, хищной тенью из груды хлама и проржавевшего до состояния трухи железа выглядывал еще один черный клинок с тусклой золотой рукоятью в форме головы зверя. - И даже не думай. Вам еще рано такой иметь.

-Но капитан! - чуть ли не плача воскликнул Милтос, повисая на Патриархе. - так не честно! Это же куча денег! Давайте продадим хотя бы один и купил нормальный корабль или доспехи?!

Капитан! Дайте хотя бы поддержать, это же не честно!

Авут с усмешкой потрепал напарника по голове. Порой Патриарх забывал из-за прагматичности и выучки браавосийца, что тот был всего лишь подростком, почти ничего не видевшим кроме рабства и кровавых боев насмерть.

-Позже, сейчас нам нужно собрать все ценное в комнате и дожидаться парней со вторым проводатым. Если доживешь до того момента как мы разбогатеет и получим немного земли, то может отдам тебе один.

-Так все же Вестерос!? – радостно улыбнулся Милтос на новость, но тут же нахмурился. – Подождите, но я же не умею махать такими вот... железяками.

-Тогда велю перековать. Делов-то.

-Это валирийская сталь, господин! Нельзя просто взять и перековать ее на что-то другое, как простую болванку! Ва-ли-рий-ская!

-Да-да, иди займись делом, пока от твоих криков мои уши не свернулись в трубочку. – небрежно оттолкнул расшумевшегося парня Авут.

Патриарх потянулся, всматриваясь в видимое через огромную дыру в крыше, уже порядком потемневшее небо, с проступавшими на нем россыпями звезд. Глубоко вздохнув, Авут впустил в свое тело всю ту силу, что разлилась по этому месту, с наслаждением ощущая давно забытое чувство прорыва на новый уровень силы. Все это было ничтожно мало по сравнению с его прошлыми возможностями, но Прасет и не спешил возвращать себе то огромное могущество, довольствуясь тем равновесием, что для себя установил этот мир, жестко отнимавший не успевшие усвоиться излишки для утоления собственного Вечного Голода. Патриарх мог вернуть себе большую часть своих былых возможностей за какие-то несколько месяцев, но к чему портить себе удовольствие?

С блаженным стоном, предвещавшим скорую негу, Авут хлопнул ладонями по двум клинкам у себя на поясе и ступил во тьму подвала, намереваясь осмотреть и зловонное убежище уроды.

<http://tl.rulate.ru/book/48855/1214770>